ВОКРУГ СВЕТА

5

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Статья была опубликована в журнале "Вокруг света" за май 1979 года, и почти полностью вошла позже в книгу "Лед и пламя".

- В. Аккуратов

В. Аккуратов
Ленинградская хроника ПС-84

В тревожную осеннюю ночь 41-го года в составе военного экипажа я вел трофейный, фашистский бомбардировщик «Дорнье-17» на авиационный завод в Казань. Отсюда предполагал поездом добраться до Красноярска, куда было эвакуировано Управление полярной авиации Главсевморпути.

Сдав самолет, я весь ушел мыслями в предстоящую работу по ледовой разведке. Думал о возвращении в привычную трудную арктическую стихию, туда, где боль неудач преждевременной изморозью выступала на висках, а радость успехов от проведенного гобой каравана судов глушила острую горечь отказа военного комиссариата зачислить тебя добровольцем во фронтовую авиацию.

На вышке КП аэродрома, куда я поднялся прослушать последние сводки с фронта, мне неожиданно вручили радиограмму за подписью одного из замов И. Д. Папанина: «Вам надлежит войти в состав экипажа Орлова и немедленно следовать в Москву, где получите дополнительные указания. Каминов».

В полдень прибыл Орлов. Экипаж его транспортного двухмоторного самолета ПС-84 состоял из четырех человек: командира, бортмеханика Николая Кекушева, бортрадиста Сергея Наместникова и техника Николая Баека. Все четверо — опытные полярные летчики из Московской авиагруппы особого назначения. Штурмана и второго пилота у них не было.

Георгий Константинович Орлов, участник высадки папанинской четверки на Северный полюс, был одним из тех пилотов, кто умел не только летать, как говорят, «держаться за баранку», но по–настоящему любил Арктику. Душевная мягкость сочеталась в нем с волевыми качествами полярного летчика. Накануне войны он зимовал на далеком острове Рудольфа Земли Франца — Иосифа, так что встреча в Казани снова соединила нас на долгие месяцы. Позже, до самого конца войны, мне довелось воевать с ним в 45-й дивизии авиации дальнего действия. Когда приходилось летать нам вместе, было легко и надежно.

В Москве начальник Политуправления Главсевморпути Валериан Дмитриевич Новиков, к которому мы явились, сообщил, что нам надлежит выполнить несколько десятков полетов в блокированный фашистами Ленинград. Вывезти оттуда сотрудников и ценнейшие научные материалы Арктического института в Череповец.

— По прилете в Тихвин и Новую Ладогу уточните с военным командованием все условия полетов. — Новиков посмотрел на нас долгим, испытующим взглядом. — Там же вам дадут прикрытие из истребительного авиаполка. Действуйте сообразно реальной обстановке, но помните: другого самолета нет. Задание должно быть выполнено любой ценой!

— Ясно, Валериан Дмитриевич, будет сделано, — совсем не по–военному ответил Орлов.

— Кстати, какое вооружение на вашем самолете?

— Одна центральная башня с тяжелым пулеметом УБТ и личное оружие.

— Не богато. Без истребителей не вылетать.

— Самое надежное наше оружие — плохая погода, — заметил я. — Боюсь, что истребители сопровождения только привлекут внимание фашистских самолетов.

— Валериан Дмитриевич, будем действовать согласно обстановке на месте, но штурман прав. Погода уже осенняя. Истребителям, как нашим, так и фашистским, нужна погода хорошая, — поддержал меня Орлов.

— Осмотритесь на месте.

Утром следующего дня мы были уже в Тихвине. Представились командиру части, доложили о нашем задании. Не спросив подтверждающих документов, не обращая внимания на наш «партизанский» вид — военной формы мы не имели, были одеты в видавшие виды замасленные кожаные костюмы, — он тут же приказал заправить наш самолет горючим, а нас повел в столовую обедать.

— Придется вам денька два «припухать», — сказал он за столом. — Погода совсем испортилась, мы не летаем уже третий день.

— А нам такая погода подходит, — заметил, к удивлению командира части, Орлов. — Лишь бы Ленинград принял.

— С Ленинградом у нас прямая связь. Договоримся. Но… Есть общее указание прикрывать транспортные машины истребителями. В хорошую погоду над Ладогой идут воздушные бои. «Мессеры» все время барражируют над коридором. Ваша пестрая машина сразу привлечет внимание фрицев. Подумают — высокое начальство возите. А голубой вымпел Севморпути на хвосте надо будет закрасить. Нарисуем звезду…

Часа через два, получив «добро» Ленинграда, мы стартовали. Сергей Наместников, забравшись в прозрачную, из плексигласа, башню, наблюдал за обстановкой в воздухе, хотя этого можно было и не делать, так как горизонтальная видимость упала до пятисот метров. Идя над самыми верхушками деревьев, мы

выскочили на Лодейное Поле и вскоре уже «брили» над Ладогой. Очевидно, низкая облачность не позволила вылететь вражеским самолетам. Еще двадцать минут полета — и, не делая круга, Орлов с ходу посадил машину на зеленую полосу аэродрома.

Подруливая к месту стоянки, мы с любопытством всматривались в самолеты, что стояли в глубоких капонирах, закрытых сверху маскировочными сетями. Чуть поодаль от границ аэродрома торчали стволы зенитных орудий и счетверенных пулеметов. Поле было обезображено воронками от авиабомб, заполненными водой. Нашу машину закатили в один из свободных капониров, и тут же подъехал бензозаправщик. Кто прилетел, зачем — об этом не спрашивали. Летный состав истребительного полка недоуменно рассматривал нашу машину, окраска которой вызывающе не вязалась с мерами маскировки. Подъехавший на «газике» комендант аэродрома, не поздоровавшись, закричал:

— Что за фазан прилетел? Вам что, жить надоело? Лазаете по туманам…

Орлов по форме доложил о цели прилета и передал адресованный в штаб обороны Ленинграда пакет. Посмотрев на адрес, комендант сразу смягчился.

— А я ломал голову, какой сумасшедший летит к нам в такую погоду. Теперь ясно, полярники. Вот что, товарищи… званий ваших я не знаю и не вижу. Пакет будет немедленно передан по назначению, а вы пока на отдых. Машину же вашу будем камуфлировать. Кстати, немедленно в столовую, так как через сорок минут начнется очередной артобстрел зоны. Фрицы в этом деле очень пунктуальны.

В большой землянке стояли столы, накрытые белоснежными скатертями; тоненькие девушки с бледными лицами подали нам жиденький суп, где вместо мяса плавал кусок картошки, а на второе — по ложке пшенной каши. У каждой тарелки лежал тонкий кусочек черного хлеба, без запаха, весом не более ста граммов, и стояла алюминиевая кружка.

— Сто граммов, фронтовых. Вам положено, вы же прилетели с задания, — объяснил нам дежурный офицер.

Суп и каша под водку проскочили незаметно, а хлеб, по взаимному молчаливому согласию, мы оставили девушкам.

На командном пункте, когда пытались связаться с Арктическим институтом, мы услышали, вернее, почувствовали, первый разрыв снаряда. Глубоко под землей звук был еле слышен, но стены задрожали, и посыпался песок из щелей потолка тройного наката. Все машинально посмотрели на часы. Было 15 часов 20 минут.

— В пятнадцать тридцать прекратится. Стреляют по норме, — проговорил комендант и тут же начал звонить в наблюдательные точки, чтобы выяснить, где и как ложатся снаряды.

— Вот так ежедневно, если не летает их авиация. Шуму много, а дел на копейку. Бьет километров за двадцать. Накрыть бы его там, да самолетов не хватает.

После обстрела мы коротали время в землянке, дожидаясь ответа. Прошел час, и в землянку ввели человека, одетого в штатское. Его желтое изможденное лицо было обтянуто сухой, словно пергамент, кожей; он неуверенно подошел к скамейке у дощатого стола и тяжело сел.

— Вы извините, — сказал он еле слышно. — Сейчас отдышусь и доложу.

— Из института? — спросил Орлов и протянул ему кружку воды.

— Да. Моя фамилия Фильчаков. Может быть, помните, встречались на Диксоне? Но к делу. Когда предполагаете вылетать и сколько можете взять людей и груза?

— Вылет с рассветом, как только откроют аэродром в Череповце. На борт можем взять двадцать четыре взрослых или тысячу девятьсот килограммов груза. А если детей, тридцать — тридцать пять.

Фильчаков глотнул воды и жадно набросился на кусок хлеба с сухой колбасой, благодарно глядя на Кекушева, догадавшегося предложить еду.

— А кто вас сопровождал сегодня? — спросил он, покончив с едой.

— Господь бог — погода, — ответил Кекушев.

— Видите ли, нам значительно безопаснее летать в плохую погоду, а еще лучше ночью, но Ленинград категорически запрещает ночные полеты, так как под нашу марку могут пройти фрицы… — говорил ему Орлов.

— Завтра здесь будет директор института. Он хочет уточнить, сколько рейсов вы можете сделать. Хотя мне ясно, каждый рейс может быть последним…

Зажав виски худыми пальцами, он долго сидел в этой безжизненной, полной отчаяния позе. Все затихли. Боялись движением выдать присутствие здоровых, сильных людей. Потом мы своими глазами увидели весь этот ужас, о котором только догадывались, глядя на притихшего от отчаяния Фильчакова. Видели и не верили… Не хотелось верить.

В шесть утра к самолету была доставлена первая партия научных сотрудников института. Страшно было смотреть на этих людей — скелеты, обтянутые серо–желтым пергаментом. Среди

прибывших было и много знакомых, с которыми мы не раз летали в Арктику, встречались по работе в Москве на ледовых конференциях. Но сейчас мы узнавали их только по фамилиям. Так, в описке эвакуирующихся числился профессор Б. Ф. Архангельский. Год назад я с ним виделся. Это был цветущий, жизнерадостный мужчина, полный сил и здоровья. Теперь мы увидели лежащую мумию. Он. уже не мог ни ходить, ни стоять. Я взял его на руки и перенес в самолет. Он благодарно посмотрел на меня, узнал и тихо прошептал:

— Вы Аккуратов, да? Смотрите, что делает война…

Погоды для истребителей не было. Низкая облачность и промозглый моросящий дождь. Видимость на аэродроме не превышала километра, над озером туман сливался с облаками. Череповец передал, что у них погода летная, нас принимают, но не позже 15 часов.

После взлета, едва достигли берега Ладоги, перешли на бреющий полет и только над лесом противоположного берега поднялись на тридцать метров. Под нами все время просматривалась земля, так что мы могли ориентироваться по дорогам, озерам и поселкам. Выше, в облака, мы не уходили, опасались попасть под огонь своих же зениток. Только пройдя контрольный пункт — Лодейное Поле, набрали высоту и шли в облаках до Череповца, где на аэродроме полярной авиации совершили посадку.

Пополнив баки горючим, мы сейчас же ушли в Тихвин на ночевку, чтобы с рассветом вылететь за новой партией людей.

— Не знаю, что мне с вами делать? — говорил озабоченно командир. — То ли считать вас партизанами, то ли военным экипажем? Формы у вас нет, аттестатов тоже. Одна бумага на обеспечение горючим и боекомплектом для пулемета. — Подумав, он хитро улыбнулся: — Ну, ладно. Ваши полеты, несомненно, боевые. Будем считать разведочными, а потому зачисляю вас на все виды фронтового довольствия, включая сто граммов! — Он весь просиял, озорно щелкнул каблуками и, вскочив на «виллис», крикнул: — До утра, профсоюзники. Отдыхайте!

Командир не случайно назвал нас так. Забронированные от несения фронтовой службы, мы из документов имели лишь паспорт, служебное удостоверение и профсоюзный билет, что в прифронтовой полосе постоянно вызывало обоснованное подозрение. Работу же мы выполняли фронтовую, все время находясь на линии огня и боевых действий авиации.

…К утру циклон прошел. Ясное высокое небо гудело от рева истребителей, уходивших к линии фронта на боевые задания.

Потом пошли пикирующие бомбардировщики. Нас выпустили последними, на сей раз в сопровождении пяти истребителей: четырех И-16 и одной «Чайки». Перед стартом договорились о порядке и поведении в случае атак «мессеров». На истребителях летали молодые ребята, не старше 25 лет; насидевшиеся за четыре дня, они рвались в бой и уверяли, что, хотя мы и отличная цель для фрицев, они сумеют надежно прикрыть нас от огня. Радист Сергей Наместников, он же по совместительству стрелок единственного нашего пулемета, покровительственно хлопал их по плечу:

— Смотрите близко к нам не подходите. Свой хвост мне есть чем оборонять, — и гордо показывал на тяжелый пулемет, торчащий из прозрачной башни на спине фюзеляжа.

После взлета, не делая круга, мы взяли курс на Ленинград. Сергей быстро связался с аэродромом, передав кодом, что в десять часов пятнадцать минут будем у них, я перешел в пулеметную башню. Впереди, на высоте две тысячи метров, шли два И-16. Сергей по внутренней связи доложил, что «Чайка» и два И-16 следуют сзади на эшелоне 3000 метров. Вскоре мы подошли к Ладоге и, как договорились, перешли на бреющий полет. Беспечное синее небо было по–осеннему прозрачно, и тихая гладь озера никак не располагала к думам о войне; казалось, мы шли на ледовую разведку в мирное время и вот–вот должны встретить караван судов, идущих по Печерскому морю, где–то на подходах к деревянному городу Мезени… Вдруг наши И-16 резко, один за другим, пошли вверх — и тут же мы увидели, как с юго–востока к нам стремительно приближается группа из четырех самолетов.

— Ну, вот и фрицы! — как–то спокойно произнес Орлов и стал прижимать самолет почти к самой поверхности воды.

— Четыре «мессера» идут на сближение с головными И-16! Два наших хвостовых пошли на набор высоты. «Чайка» идет за нами! — докладывал нам Сергей.

«Мессеры» разделились: первая пара закружилась в какой–то дикой карусели с юркими И-16, а вторая была перехвачена вырвавшимися из–за хвоста двумя другими И-16. Короткие, стремительные атаки, перехлестывающиеся струи трассирующих очередей пулеметно–пушечного огня. Более быстроходные, но менее поворотливые «мессеры» после каждой атаки далеко проскакивали вперед, а наши «ястребки», ловко изворачиваясь, умело заходили в хвост противника и коротко били из пушек. Иногда трудно было понять, кто кого атакует, все завертелось в бешеном клубке то уходящих, то приближающихся к нам вражеских машин.

На горизонте тонкой черточкой замаячил берег. Бой

истребителей остался где–то позади. Орлов сбросил газ и, виновато улыбаясь, произнес:

— Чего мы жмем? Все равно лишних пятьдесят километров скорости нам не помогут, а моторы запорем.

В это время Сергей передал:

— Один «мессер» оторвался от истребителей и идет на нас, в хвост…

Резкий, лающий звук и вибрация самолёта заглушили его слова. Мимо нас веером неслись трассирующие снаряды, но как–то еще не верилось, что стреляют по нашему самолету. Вдруг стрекот нашего пулемета резко оборвался, и в наушниках раздался радостный голос Сергея.

— Отвалил! Теперь с ним возится «Чайка». А дал я ему!

— Сергей, а как наши, все целы? — спросил Орлов.

Сидя за управлением, в пилотской кабине, мы не видели, что творится за нами.

— Одного И-16 не вижу! Нет и «мессера»!

В этот момент мы выскочили на берег, прямо у маяка, а через пять минут увидели аэродром и с ходу пошли на посадку. Не успели мы подрулить к капониру, как один за другим, сели все пять истребителей.

Зарулив на стоянку, мы выскочили из самолета и побежали к нашим сопровождающим.

— Ну, как? Живы, профсоюзники? — Разгоряченные боем, ребята, радостно улыбаясь, обступили нас, пожимали руки, наперебой рассказывали.

— Трижды они пытались прорваться к вам. Но мы перехватывали их и навязывали бой на малой высоте, чего они не любят.

— Один прорвался. Я уже зашел к нему в хвост, но в этот момент ваш стрелок ударил из пулемета. Помешал мне, пришлось отваливать в сторону, чтобы не попасть под ваш огонь, — говорил пилот «Чайки», жадно затягиваясь самокруткой.

Невысокого роста, поджарый, с задорно вздернутым носом, он выглядел совсем мальчишкой, и, если бы не орден Красного Знамени с отколотой эмалью, его можно было принять за школьника.

На «газике» подъехал командир базы. Он поздравил нас с боевым крещением, пожал всем руки и, сокрушенно качая головой, сказал:

— Да, хороши были «ишаки» и «Чайки» три года назад, в Испании, а теперь малость устарели. Вот скоро Яки подбросят, тогда посмотрим, сунутся ли так нагло «мессеры». «Китти–хаук» и «томагавки», переданные нам союзниками по ленд–лизу, конечно,

современнее «ишаков» и «Чаек», но в скорости и маневренности уступают «мессерам».

У землянки нас уже ждала новая партия эвакуирующихся. И через два часа мы снова были в воздухе. На этот раз тактика полета истребителей была изменена. Вначале вышли «томагавки» и на высоте 5000 метров стали барражировать над озером. Фрицы не появлялись. До Тихвина дошли, не встречая противника. Над городом мы попрощались с нашей славной пятеркой, а сами без посадки ушли в Череповец. Утром следующего дня были вновь в Тихвине…

Два месяца изо дня в день ходили мы в Ленинград, прорывая фашистский заслон. В летную погоду нас сопровождали истребители, но значительно спокойнее и безопаснее как для нас, так и для пассажиров, было летать в плохую погоду. Были дни, когда «ишаки», отчаянно защищая нас, сами становились жертвами фашистских истребителей… Наша «лайба», как ее прозвали, военные летчики, не раз выходила из, казалось бы, самых безвыходных положений. Облезлая, закопченная и замасленная от частых форсажей моторов, она выжимала каждую секунду, чтобы уйти от смерти. Вскоре она стала пользоваться большим авторитетом и уважением в гарнизонах аэродромов. Когда на командном пункте говорили: «Идет наша лайба», — дежурные офицеры с особым вниманием следили за ее полетом. А экипажи истребительных полков считали за честь охранять жизнь наших многострадальных пассажиров, увы, не всегда переносивших ужасы пережитого.

Среди летчиков, сопровождавших «лайбу», нам особенно полюбился Афанасий — пилот «Чайки», спокойный и не по летам рассудительный парень. Он был таким и на земле и в воздухе; он, казалось, не ведал страха, словно выполнял обычную будничную работу. Фашистские летчики знали его и побаивались его тихоходной, но верткой машины. Афанасий особенно сдружился с Сергеем, нашим радистом, хотя на земле они нередко спорили и переругивались: в воздухе, рискуя задеть друг друга, они частенько били в одну цель. Но однажды Афанасий заставил нас крепко понервничать….На подходе к Ладоге погода резко изменилась. Облака рваными клочьями спустились до 50–70 метров, а видимость упала до 300–500 метров. Погода для истребителей стала явно нелетной, угрожающей, и они развернулись, пошли обратно. Оставшись одни, как всегда в таком случае, мы вошли в облачность и продолжали полет в Ленинград, совершенно уверенные, что все истребители легли на обратный курс. Минут через десять в пилотскую врывается Сергей и возбужденно, заикаясь, докладывает:

— Все, браточки, отлетали… Вы только посмотрите, что выкинул этот мальчишка…

Орлов передал мне управление, вышел. Через минуту он вернулся и, растерянно взглянув на меня, тихо сказал:

— Похоже, что это наш последний полет.

— Что? Горим?

— Сходи посмотри. Только бы инфаркт не хватанул, — мрачно оказал Орлов.

Выскочив в пассажирский салон, я замер в растерянности и стал протирать глаза. В широкий иллюминатор было видно, как «Чайка» почти вплотную втиснулась между левым крылом и хвостовым оперением. Она, словно привязанная, шла с нами. Сквозь двойные стекла я ясно видел напряженное лицо Афанасия с поднятыми на шлем защитными очками и бешено крутящийся винт его истребителя. Казалось — одно неосторожное движение, и он врубится в наш самолет. Заметив меня, Афанасий улыбнулся, а я почему–то показал ему большой палец в знак успокоения и, тихо пятясь, отошел от иллюминатора. «Ну, ты понял, зачем он прилип к нам?» — говорили глаза Орлова.

— У него другого выхода нет, — сказал я. — Видимо, опоздал с разворотом назад, вошел вместе с нами в облачность и, чтобы не потерять пространственного положения, не сорваться в штопор, теперь держится за нашу машину, как за естественный горизонт.

— Ты догадываешься, чем все это кончится? — наконец заговорил Орлов.

Рискованно, но лихо вышел он из создавшегося положения. Мы знали, что на этом старом типе истребителей нет приборов «слепого» пилотирования, кроме «Пионера». А этот прибор без большого опыта полетов «вслепую» мало чем мог помочь. Вот Афанасий и избрал единственно возможный вариант: чтобы не свалиться на землю, уцепился за нас и держится, как за матку. Положение было крайне сложное и не предусмотренное ни в каких правилах и инструкциях. Помочь мы ничем не могли — ни ему, ни себе. У нас оставалась одна надежда на то, что Афанасий сам сумеет продержаться до берега, где, по последней сводке погоды, принятой на борт, было «ясно». До берега оставалось километров шестьдесят. Пятнадцать минут хода.

— Через десять минут набери высоту до шестисот метров, но не резко, — посоветовал я, — не более метра в секунду, чтобы Афанасий понял наш маневр.

— Что этот дьяволенок делает, а? — говорит Сергей. — Улыбается, а у самого на лбу крупные капли пота.

— Наверное, «вслепую» никогда не ходил. Летную школу–то

окончил полгода назад. Никакого опыта, кроме боевого.

— Но Афанасий отлично понял наш маневр… Ведь никто не поверит такому!

— А ты еще надеешься, что кому–нибудь сумеешь рассказать? Доля секунды — и нет двух самолетов. В Ладоге достаточно воды, а в сводке появится короткое сообщение: «С боевого задания на базу не вернулись…»

— Ладно, продолжай набирать высоту поосторожнее, — сказал я и встал, — посмотрю, как он ведет себя на подъеме.

Картина, которую я увидел, могла потрясти по своему неправдоподобию любого летчика: совсем рядом шла «Чайка», синхронно повторяя все плавные маневры нашего самолета. Машины, словно слитые воедино и управляемые одной рукой, шли «слепым» полетом. Тихо прикрыв дверь, я вернулся в пилотскую. Орлов скосил на меня глаза, глубоко вздохнул, но ничего не сказал.

Вдруг, словно невидимая рука раздернула облачные занавеси, мы выскочили в голубую эмаль неба, позолоченную ослепительными лучами солнца, а уже впереди нас, чуть пониже, покачиваясь с крыла на крыло, стремительно скользила «Чайка» и, сделав глубокий вираж, пошла на набор высоты. И столько в ее свободном движении было радости и уверенности, столько счастья, что мы сразу забыли те минуты, когда, казалось, в обнимку шли к неизбежному своему концу. Во все глаза мы восторженно следим за Афанасием. Вот он, превратившись почти в точку, поблескивая в лучах солнца, камнем ринулся в пике, оставляя за собой перламутровый шнур конденсата, и тут же перешел на каскад фигур высшего пилотажа.

— Фрицы! Один, два… четыре! — крикнул Сергей и бросился в свою башню. Со стороны солнца, прячась в его блеске, наперерез «Чайке» хищно скользили истребители. Два из них, заметя нас, ринулись вниз, заходя в хвост, а два пошли наперерез «Чайке».

— Кажется, доигрались! — крикнул Орлов, пикируя к земле. Прижав машину к верхушкам деревьев так, что зелень леса волной побежала от струй винтов, он скользнул в широкую просеку.

Афанасий, видно, вовремя заметил подкрадывающихся к нему истребителей: подпустив их на дистанцию огня, перевернулся через крыло и сразу оказался сзади «мессеров». Длинная трассирующая очередь его крупнокалиберных пулеметов впилась в задний истребитель. Видно было, как от фюзеляжа отлетали какие–то куски, и вдруг черный шлейф дыма длинной струей вырвался из–под мотора, а самолет под крутым углом

понесся вниз. Оба «мессера», атакующие нас, оставляют «лайбу», чтобы сначала разделаться с «Чайкой». Вскоре истребители — наш и вражеские — закрутились в бешеном водовороте атак. Кто кого бьет — понять было нельзя.

— Наши, наши! Яки идут! — радостно закричал Сергей по внутренней связи.

Со стороны аэродрома, из голубой выси, прямо на фрицев в стремительном пике неслась стайка из четырех остроносых истребителей.

Фашисты заметили их, оставили «Чайку» и начали быстро уходить на юго–восток, а Афанасий слева подошел к нам и, улыбаясь, показал указательный палец. Мы делаем ему знаки, чтобы не подходил очень близко, но в это время впереди появляется аэродром, «Чайка» отваливает влево, а мы с ходу идем на посадку.

Через несколько минут подрулил Афанасий. Выключив мотор, он подбежал к нам. На лице смущение и виноватая улыбка:

— Понимаете, не заметил, как вошли в облачность…

— Страху ты, конечно, на нас нагнал. Забудем об этом. Прими поздравления за сбитого фрица.

— Принять бой с четырьмя «мессерами»… — заметил Орлов, — когда мог спокойно уйти, благо аэродром рядом…

— Как я мог уйти и бросить вас?! Тоже додумались! — В словах его было столько острой обиды, что он вновь показался нам обыкновенным мальчишкой…

Шли дни. Город Ленина оборонялся с неведомой человечеству стойкостью и мужеством. Голод, снаряды и бомбы косили людей. С наступлением зимы на ленинградцев обрушился еще и холод.

Наши полеты продолжались. Ни ясное небо, ни трассирующие струи пулеметного огня, ни мертвая, ледяная хватка циклонов — ничто не могло остановить. Ежедневно, меняя только часы и курсы полетов с целью дезориентации противника, мы прорывались в Ленинград. Наступившая зимняя непогода только помогала нам. Озеро покрылось льдом. В ясные дни мы пересекали его зеркальную гладь в паутине огня сражающихся истребителей, в снегопады и туманы прижимались к его оледенелой груди и, стиснув зубы, до боли напрягали глаза, чтобы вовремя обойти препятствие. Но нам везло. Ястребки мужественно прикрывали нас от «мессеров», а с циклонами мы научились говорить на равных в Арктике.

К концу декабря мы выполнили сорок прорывов, но работы было еще много. В помощь к нам из Москвы прилетел экипаж

летчика Еременко на скоростном бомбардировщике «СБ». Это был опытный экипаж полярной авиации, в совершенстве владеющий «слепым» полетом.

В один из дней, когда из–за погоды истребители не летали, он стартовал вслед за нами. Видимость со средины озера неожиданно улучшилась. Продолжая полет на бреющем, мы благополучно сели на аэродроме. Пришло время прибытия Еременко. Но его не было. Запросили Поденное Поле, Тихвин, Череповец — не вернулся ли к ним «СБ»? Ответ был один: Еременко у них нет. На следующий день после возвращения из Череповца в Ленинград мы узнали, что самолет «СБ» сбит фашистскими истребителями. Он, горящим, сел на тонкий лед, который не выдержал его тяжести и утонул. Экипаж погиб, за исключением бортмеханика Макарова, снятого со льда канонерской лодкой.

Потеря товарищей еще больше ожесточила наши сердца, и мы поклялись выполнить и их незаконченное задание.

Шел к концу второй месяц наших полетов. По узкому коридору через Ладогу, контролируемому немецкой авиацией, по еще не окрепшему льду озера была уже проложена дорога для автотранспорта. Летая над этой ледовой трассой, мы не раз видели, как рвались и переворачивались хрупкие льды под фугасными бомбами и автомашины исчезали в кипящей пучине, а люди барахтались в месиве крови и битого льда. И все–таки дорога жила. Теперь мы ходили даже в ясную погоду без сопровождения, освободив истребители для охраны «Дороги жизни».

Вскоре фашистские летчики заприметили нашу машину. Сбитый нацистский пилот, спасшийся на парашюте, на допросе сообщил: «За уничтожение экипажа полярных летчиков командование назначило приз — месячный отпуск».

Часто опытные и обстрелянные летчики, давно открывшие счет сбитых ими фашистских самолетов, нас спрашивали: «Не страшно вам летать на вашей «лайбе» в этом пекле? Вы же живая мишень».

Ответить, что не страшно, было бы ложью. Страх перед смертью у нормального человека существует всегда. И чем больше подвергаешься опасности, тем острее это ощущение. Главное — это уметь подавить страх. Странно, но чувство страха приходит не в момент боя, а после, когда остаешься наедине со своими мыслями…

В последние рейсы, когда вывезли всех ученых института и уже занимались перевозкой научных материалов и других ценностей, мы часто подбирали на улицах города умирающих

детей и увозили их в Череповец.

Мы подбирали детей по собственной инициативе и увозили, не считаясь с перегрузкой самолета. Потом, после войны, я часто получал письма, полные благодарности.

Эти письма были от тех самых детей, которые теперь уже стали взрослыми…